

После обеда кто-то схватил коробку Хэ Шэньпина, чтобы помыть её, и не дав даже разглядеть своё лицо, умчался прочь. Через некоторое время он вернулся и, стараясь угодить, поднял ещё капаящую водой коробку. К сожалению, к этому времени группа людей уже плотно окружила Хэ Шэньпина, кто-то взял стулья, кто-то присел на корточки, и коробка прошла через три разные руки, прежде чем оказалась перед ним. Подняв голову, Хэ Шэньпин увидел перед собой группу крепких, загорелых парней, и он даже не мог понять, кто именно помыл его коробку.

— Я, я! — сухая рука замахалась в воздухе.

Ван Бинь крикнул:

— О чём вы тут шумите?

Владелец руки сказал:

— Я только что помыл коробку. Господин Хэ, не могли бы вы написать за меня следующее письмо?

Все начали ругать его, говоря, что Эр Хоу слишком много позволяет себе, ведь он всего лишь помыл посуду, а уже пытается влезть вперёд.

— Вы просто завидуете мне, — не обращая внимания, Эр Хоу с улыбкой протиснулся к месту слева от Хэ Шэньпина.

Он сказал, что письмо нужно его родителям, чтобы они нашли ему невесту.

Кто-то насмешливо заметил:

— Ты ведь неграмотный, и твои родители тоже. Кто же прочитает это письмо?

— Пусть мои родители попросят кого-нибудь прочитать его, — махнув рукой, Эр Хоу начал диктовать письмо. — ...И ещё, наша обуза, которую нужно поскорее выдать замуж, иначе она будет только есть и пить за наш счёт. Как я тогда женюсь? Как вы получите внуков?

Эр Хоу с увлечением говорил, а потом схватил чашку и жадно выпил несколько глотков чая. Только опустив чашку, он наконец взглянул на бумагу перед Хэ Шэньпином:

— Господин Хэ, я говорил так долго, а вы написали всего несколько слов?

Хэ Шэньпин закончил фразу «Хотя наша семья бедна, мы должны найти хорошего мужа для сестры», положил кисть и спокойно сказал:

— О, письменный язык всегда более лаконичен. У меня ещё есть другие письма написать, так что на этом пока закончим.

Написав несколько писем, он был вынужден уйти, когда повар из столовой начал выгонять людей. Группа снова окружила Хэ Шэньпина и повела его в комнату, чтобы продолжить писать. Окна и двери были плотно закрыты, а в углу горел угольный жаровник. Угольные куски, сначала чёрные, стали красными, а затем превратились в кучу пепла, который медленно поднимался в воздухе и снова опускался в жаровник.

С тех пор после каждого приёма пищи кто-то наперебой предлагал помыть коробку Хэ Шэньпина, а каждый раз, когда он отправлялся в шахту, кто-то нёс за него камень. Ван Бинь был одним из немногих, кто копил яйца, так как в обычное время куриц было не так много.

К концу декабря на заводе прошло собрание, на котором кто-то предложил поменяться с Хэ Шэньпином местами, сказав, что он молод и может выполнять тяжёлую работу, а Хэ Шэньпин, хотя и не силён физически, имеет умелые руки, и ему лучше заняться лепкой и резьбой.

Руководство завода предложило провести голосование.

Сначала поднялось около десятка рук, затем постепенно поднялись и остальные, все те, кто получал помощь от Хэ Шэньпина. В конце несколько человек, которые не подняли руки, огляделись и тоже подняли руки.

— Старина Хэ, единогласное решение. Ты должен ценить доверие народа, — похлопал Хэ Шэньпина по плечу руководитель завода.

После праздника Весны письма Хэ Шэньпина начали рассказывать о лепке, а затем о шлифовке, сушке, глазуровании и обжиге.

Каждое письмо Хэ Юйлоу перечитывал множество раз, пока не запоминал. Эти письма вместе были похожи на руководство по изготовлению фарфора. Он понял всё и начал рассказывать Вэнь Юэаню о том, как делают фарфор: тарелки с изображением карпов, чашки с утками и бабочками, фарфоровые пресс-папье с пейзажами — всё это казалось сделанным его собственными руками.

Вэнь Юэань был ещё маленьким и не всё понимал.

Хэ Юйлоу не вдавался в подробности, просто сказал:

— Если я когда-нибудь смогу навестить отца, я сделаю для тебя чашку с изображением луны.

Вэнь Юэань с нетерпением ждал этой чашки. Сначала он сдерживался и не спрашивал, но позже, во время уроков каллиграфии, не смог удержаться и попросил Хэ Юйлоу нарисовать её.

Хэ Юйлоу нарисовал чашку с круглой луной, но остался недоволен. Луну нарисовать легко, но лунный свет — нет. Он закрасил фон чёрным, чтобы выделить белую луну, но это не передавало лунного света.

Вэнь Юэань подумал и рядом нарисовал ещё одну чашку, на которой изобразил луну и башню под ней. Закрасив фон чёрным, он оставил только белую луну и башню, и так появился лунный свет.

Хэ Юйлоу вырезал рисунок Вэнь Юэаня и сохранил его:

— Когда-нибудь я сделаю чашку по твоему рисунку.

Вэнь Юэань спросил:

— Странно, как камень и вода у учителя Хэ превращаются в такие чашки?

Хэ Юйлоу рассмеялся:

— Видишь, игра на музыкальном инструменте — это CDEFGAB, которые превращаются в Моцарта, каллиграфия — это чёрные чернила, которые становятся стихами, а фарфор — это камень и вода, которые превращаются в «Чашу, из которой можно пить вино на изгибах реки Ланьтин».

Длинный деревянный стол стоял у порога, дверь была широко открыта, и солнечный свет падал на него, освещая белые фарфоровые кувшины и горшки.

Хэ Шэньпин сидел с одной стороны стола, перед ним стоял покрытый глазурью чайник, на котором он рисовал ветку сливы. Напротив сидел мужчина постарше, с седыми волосами, который на огромной вазе рисовал величественный пейзаж.

— Господин Цзян! — Ван Бинь подбежал издалека, его лицо было загорелым и красным. — Э, господин Хэ тоже здесь.

Цзян Хэлай прищурился, глядя на вазу, его рука с кистью замерла в воздухе, а другой рукой он сделал знак Ван Биню:

— Потихе, ты сразу землю сотрясаешь.

Ван Бинь вытер пот и засмеялся:

— Я не двигаюсь, продолжайте рисовать. Просто на заводе создали рабочую группу, и сейчас идёт собрание. Руководитель группы послал меня позвать вас, сказав, что уже почти май, и вы здесь уже три года, так что нужно провести аттестацию.

Цзян Хэлай ответил:

— О.

И продолжил рисовать пейзаж.

Ван Бинь тихо сказал:

— Вы ведь не знаете, что если аттестация пройдёт успешно, вас больше не будут держать на фарфоровом заводе.

Цзян Хэлай, продолжая рисовать, спросил:

— А что значит успешная аттестация?

Ван Бинь ответил:

— Откуда мне знать... Я думаю, это значит, что вы сблизились с народом и стали хорошим человеком.

Цзян Хэлай усмехнулся, его усы дёрнулись:

— Ты думаешь, я не знаю? Я уже дважды проходил аттестацию. Если бы я был хорошим человеком, меня бы давно отпустили.

— Кто хороший человек, решаете не вы и не я, а рабочая группа, — Ван Бинь, видя, что Цзян Хэлай продолжает рисовать и не обращает на него внимания, начал нервничать. — Ну, пойдёмте уже, а то как я объяснюсь перед руководителем группы?

Цзян Хэлай долго рисовал, пока не заполнил фон пейзажа, затем положил кисть, встал и потянулся:

— Ладно, пойдём. Может, в этом году я стану хорошим человеком.

Он взглянул на сливу Хэ Шэньпина, уходя:

— Старина Шэньпин, твоя слива слишком скованна.

Ван Бинь, увидев, что Цзян Хэлай ушёл, наконец расслабился и заговорил с Хэ Шэньпином:

— Господин Хэ, если рабочая группа позовёт вас на аттестацию, не ведите себя как господин Цзян, который ни на кого не обращает внимания...

Хэ Шэньпин ничего не ответил, и Ван Бинь, видя, что он занят, попрощался и ушёл. Пройдя несколько шагов, он столкнулся с группой рабочих, которые отвели его к стене и, не дав опомниться, слегка ударили по голове:

— Ван Бинь, ты что, головой ударился?

Ван Бинь отмахнулся и, увидев, кто это, спросил:

— Что за ерунда? Что случилось, что вы на меня набросились?

— На этом заводе мало грамотных людей. Одни, как этот старый Цзян, не обращают на нас внимания, другие сходят с ума. Наконец появился человек, который готов писать за нас письма, и он уже несколько месяцев это делает. Если он пройдет аттестацию, он просто уйдет, и кто тогда будет писать нам письма?

Ван Бинь плюнул:

— Вы, сволочи, он ведь не только для вас писал.

— Ван Бинь, ты хочешь писать своей сестре? Если он уйдет, ты будешь плакать над своим старым железным ящиком, а тут ещё прикидываешься хорошим парнем.

— Мы уже договорились, если господина Хэ вызовут на аттестацию, мы пойдём в организацию и скажем, что он не сблизился с народом и не до конца исправился, так что его нельзя отпускать.

Ван Бинь разозлился и ударил говорящего:

— Ты совсем совесть потерял?

<http://bllate.org/book/15543/1382950>